

DOI: 10.15643/libartrus-2021.3.6

**Рецензия на монографию: Ильин В. В. Метафилософия.
Поэтика философии: монография. М.: Проспект, 2021. 160 с.
ISBN 978-5-392-34141-2**

© В. А. Писачкин

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Россия, Республика Мордовия, 430005 г. Саранск, улица Большевикская, 68.*

Email: pisachkin@yandex.ru

Монография посвящена двум основным задачам: во-первых, освобождению живой, ищущей душу философии от тяжелого наследия прошлого (груза вульгарного социологизма, порочной идеологизации, индокринации духовного творчества) на пути к выходу на простор, окрыленный лишь профессиональной заботой поиска. Во-вторых, автор стремится прояснить принципы философствования как исторической контекстуальной и надконтекстуальной продуктивной деятельности, в которой предстает критика философского разума в качествах: метафилософии, теории философского процесса и поэтики философии. В них рельефно выражается «интимный ток философствования». Поэтика философии представлена в качестве дисциплины «сугубо философской» и даже «метафилософской». Сфера ее специфической предметности определяется инструментально-символическим характером обработки «ресурсов эстемы и нозмы». Литература упивается эстемой, «словесной изящностью», красотой слова, где «логос» предстает в качестве «изречения». Для философии «логос» выражает ориентир, предметный «азимут» которого – «идея». Поэтика философии специфична в своих интенциях: в «деонтологическом устремлении» она нормативна, но не столько в плане «консервации идеалов», а в побудительном отношении, в аспекте их конструктивности и культивации. Философия мощный индуктор духоподъемности. Она апеллирует к силе правды, обращается к людям с обоснованием смысла, как некоей «правдой жизни», связанной с подвижничеством и проповедничеством.

Ключевые слова: поэтика, метафилософия, эстема, нозма, эпистема, макро-социология, бедленд, гудленд, политическая текстура, архитектура философствования.

Поэтика в классической версии – это дисциплина, главным образом филологическая, изучающая поэтическую деятельность, ее происхождение, формы и значение, это теория поэзии. Безусловно, поэтика – это дисциплина литературоведческая, сравнительно-историческая, которая представлена в работах М. М. Бахтина [1, 2], социологическая поэтика (жанры утопической и фантастической поэтики и др.).

В своем исследовании В. В. Ильин рассматривает поэтику философии в качестве дисциплины «сугубо философской» и даже «метафилософской» [4, с. 8–9]. Сферу ее специфической предметности автор определяет в качестве инструментально-символического характера обработки «ресурсов эстемы и нозмы». Литература, отмечает он, наслаждается эстемой, «словесной изящностью», красотой слова, где «логос» предстает в качестве «изречения». В философии – «логос» выражает особый ориентир, предметным «азимутом» которого служит «идея», «мысль». Главную идею поэтики философии содержит особая форма души как качество «измышления» – мыслительная деятельность. Эта деятельность многолика и разноплановая.

Она протекает в предметно-практическом, визуальном и вербальном вариантах, в формах «мыслительных слоев» и оригинальных видах «специальной сюжетной, идейной, знаковой репрезентации» [10].

Репрезентативное выстраивание образов имеет рецептурную природу, связанную с разным восстановлением предметной реальности. Философское освоение предметности категориально, оно предусматривает развертывание не *образных*, а *абстрактных* понятийно-логических форм [9]. Поэтика философии специфична в своих интенциях: в «деонтологическом устремлении» – она нормативна, но не столько в плане «консервации идеалов», а в побудительном отношении, в аспекте их конструктивности и культивации [4, с. 11]. Философия мощный индуктор духоподъемности. Она апеллирует к силе правды, обращается к людям с обоснованием смысла, как некоей «правдой жизни», связанной с подвижничеством и проповедничеством.

Эпистема. Философия возникла в контексте духовного опыта из мифопоэтического (фольклорно эпического) комплекса в процессе рефлексивного преодоления душевно-жизненной подвижности и образности. Абстрактно-логическая демифологизация интеллекта состоялась в категориальной реконструкции природы мира, порождаемого развертыванием вездесущих умопостигаемых первоначал, первооснов, первоэлементов. Протекающие процессы в разных культурных точках осевого времени аналогичны, они слишком похожи друг на друга, чтобы быть случайными, очень скоординированы, чтобы быть стихийными, и слишком приметны, чтобы быть незаметными [4, с. 22]. Развитие «органона» эпистемы, как знания или «доказанного утверждения», В. В. Ильин связывает с изменением характера и смысловых форм языка, характером аргументации, направленности на идеологические и другие социальные институты.

Идеология. Идеология выступает особым типом признания истины, идущей от характера по субъективным основаниям и убежденности о содержании справедливости. К примеру, по поводу пункта одной из конституций, где было указано: «ливиец всегда прав». А «если он не прав? Тогда конституция предусматривает указание: «смотри на предыдущий пункт». Аналогичен лозунг борцов за права «афроамериканцев в США»: «Жизнь черных (чернокожих) – имеет значение». В. В. Ильин отмечает, что идеология, это разновидность специфического сознания, «тенденциозного, нарочитого, умышленного», которому, в гносеологическом плане, присущи: спекулятивность, иллюзорность, догматичность, апологетичность, авторитарность и репрессивность» [4, с. 24–26].

Национально-государственная *идеология* представлена «рядом репрезентативных комплексов», выражающих в прагматическом плане отношение «социума», народа и государства в занимаемом им (ранговом) «подлунном месте» в социальном мире. Философия либерализма последовательно обосновывает космополитический индивидуализм, который представлен в версиях *либерального национализма*, выражающий «дух народа» и *либерализма консервативного*, апеллирующего к «почвенническому» мессианизму как ответственной *миссии служения*, спасения, освобождения. Идеологии национал-социализма, расизма, шовинизма, нордизма, фашизма *культивируют* идеи агрессивного покорения народов, закабаления, дискриминации одних и признания других в качестве высшей цивилизационной группы (голубая кровь, белая кость), а также другие формы утверждения концепций бытия, притязаний в мире, поддержания престижа, развитие *панидей* богоизбранности, обоснование идей политической целесообразности.

Наука в контексте духовного опыта занимает иное, особое место. Она категориально-логична, имплицативна, интересубъективна и дает наиболее прочные основания из всех гарантий обладания истиной. Ильин формулирует проблемные комплексы на этом пути:

а) на стыках науки – культуры – в основе человеческой деятельности расположены порядок нормосообразия и тип регуляризации [13]. Стандартизация научных вердиктов, канонизация фактов и событий связаны с жесткими правилами операционализации, верификации, логизации, квантификации, метризации, каузализации, естественной детерминации [4, с. 31]. Подозрения в ненадежности продуктов научной деятельности связаны с карающими санкциями со стороны профессионального научного сообщества и масштабными акциями социального контроля;

б) проблемы на стыках логических процедур науки, не попадающих под научную логизацию действительности. Человек производит смыслы, это аксиома социального бытия. Смыслы состоят в открытии ответа на проблемные вопросы по поиску пути к действию. Автор рассматривает *стратегическое понимание* как путь в реализации обнаружения смысла. *Тактическое понимание* на этом пути представляет «развернутую процедуру», методологию, свойства понимаемых процедур (конструктивности, симультанности, сукцессионности и др.) [9];

в) проблемы на стыках каузальной и некаузальной организации материальной и духовной реальности, подчеркивает автор, связаны с идеей всеобщности «научного разума». Но механизмы законосообразия в условиях определенных идеологий (объективного причинения) не однозначны к действию эффектов целесообразности, целеполагания, мотивности, достижительности, самоорганизуемости, творческого роста и других моментов.

В *макросоциологии* существуют современные модели «большой социальности» и действует статистика поведения массы (в заорганизованном массовом обществе), а также существуют модели (гуманистически либерально-демократически оснащенного общества). Баланс малой и большой социальности – нерв социального устройства, стержень метафизики истории, общества, государства. Любое трение между ними чревато эксцессами [4, 11]. Для каждой из них свойственны определенные проблемы. В современной России, например, актуальны проблемы, связанные с эмиграцией «самодостаточных людей», автор видит в них «беду и вину нашего отечества» [4, с. 35].

В монографии рассмотрены проблемы каузальности и некаузальности в биологии, экономике, истории, антропологии и других отраслях знания, для каждой из которых характерны проблемы *обоснованности*, как доказательного, рационально организованного знания. Оно базируется на пяти векторах: законе основания, логической опосредованности, ментальной детерминированности, демонстративности, имплицативности [4, с. 38]. Философия, считает автор, сближается с наукой формально, посредством логико-теоретической, дискурсивно-выразительной обработки. И даже удаляясь от нее, она остается контуром предметных рассуждений интеллектуального комплекса в содержательном плане. В этом аспекте: «Человек» – является предметом забот рациональной антропологии; «Истина» – предметом рациональной гносеологии; «Благо» – предметом рациональной аксиологии; «Польза» составляет предмет рациональной праксеологии; «Добродетель» – предмет рациональной аретологии; «Любовь» – предмет рациональной амитологии и т.д. Но есть также много иного, что выпадает из тематизации науки, но не утрачивает человеческой жизненной значимости. Сфера экзистенциального не покрывается сферой эссенциального и составляет «благодатную почву простору философствования» [4, с. 42].

Слияние форм объективного процесса природы и целеполагающей деятельности человека в единый процесс развития составляет синтетический антропо-социо-техно-натурный комплекс, ориентированный на сценарии бытия как целевоплотительной «среды обитания» с позиции перспектив выживания и родового развития. Действия человека, считает автор, требуют адекватного осмысления в терминах понимающей социологии, глубинной психологии, герменевтики и культурной антропологии. Тогда как методологические регуляторы теоретической науки не обслуживают теорию символа. К примеру, в эпистомологии генерализация, объективация, детерминация, а в символогии – инициация, целеориентация, самореализация [5–9].

Власть. Власть, политическая и государственная – особый объект философии. Толкование существа власти традиционно связано с монополией на правовую и силовую инициативу. Стандартные механизмы власти: господство, руководство, организация, управление, контроль.

Специализированный отсек духовно-практического освоения действительности в аспекте всех типов ее понимания и преобразования связаны с наукой и искусством, которые не способны вводить (науки) от предметности – ноэтность; искусства – от художественности – эстетность.

В. В. Ильин рассматривает *власть власти* в аспекте глубинной диспозиции на базе топологических идей в вариации гомеоморфного отображения различных точек политического пространства, которым свойственно многообразие показателей *самопринадлежности*, характеризующихся «самодостаточностью, непрерывностью, правильностью» [4, с. 42–45]. Автор фиксирует в них инварианты типологических *универсалий политической риторики*, в которых находит выражение «золотая формула власти». Применительно к российской истории в темпоральном преломлении политическая риторика оперирует понятиями: гражданская свобода, сильное государство, народное благо, социальная справедливость, величие нации и др.

В них философия (социальная философия, философия власти, философия политики) «отрабатывает» способы, технологии и апологии соответствия гуманитарным условиям современного мира в поиске «золотого сечения» и сохранения черт благонравия, благопристойности, благочинности.

На этом пути, отмечает автор, в логико-гносеологическом плане доминирует угол зрения, оправдывающий способ получения изолирующих абстракций, когда процедурный формализм усиливает своей бессодержательной техничностью «одиозность властно-политического функционализма». При этом вердикты, подобные хрестоматийному «казнить нельзя помиловать» в функциональном исполнении сопровождаются уловкой с запятой как фокусом лукавства. В русле преодоления функционалистского формализма, Ильин выделяет эффективность применения комбинации, «с опорой на базис жизнестроения» (жизненное пространство социума и жизненный мир людей). Учет реальных свойств этих понятий в качестве инструментов не позволит безнаказанно пропустить приемы фальсификации (ужимки, уловки, лакировки). Фальсификаторам сложно обойти тему рациональности «властно-политических мыслей и действий, апологий и технологий» [4, с. 49]. Рациональность опирается на критерии оптимальности, эффективности, целесообразности, оправданности. При публичной экспертизе (апробации, критике, аналитике и пр.), адаптированные кондиции социального проектирования резко возрастают, они популярны, а достоинства парламентаризма очевидны. В антропном измерении они фиксируют: а) социальный лифт, когда любой человек «из народа» способен

стать «человеком для народа»; б) социальную ответственность элиты в диспозиции «служения» народу, а для клерка – служение ведомству.

Типы управления. В монографии подчеркивается: *республиканизм* – объективирует тип управления, как форму социального равенства доступа к гражданским свободам, инициативным правам. Республика – служит превращению властвования в общественное дело; *демократизм*, – следующая стадия освобождения человечества от «внеприродной стихии, спонтанной силой власти», которая обретается на пути демократизации общественной жизни. Демократия – не власть всех, а свобода всех; она суть – правообразный образ жизни, *контролируемый не верой, но действенной способностью каждого, заявлять и проявлять собственные возможности.* Непреходящее *достоинство демократии* – свобода выбора и выбор свободы. Обратная «сторона этой медали» в российском опыте представлена неумным зудом преобразований (перестройка, новое мышление, ускорение); нетерпимой суровостью к инакомыслию; популистскими кредитами бездарной власти; бюрократизмом и бюрократическим контролем – как инструментом власти. Демократия обеспечивает внебюрократический характер самоконтроля [4, с. 54].

Автор характеризует «работу» философии, которая «вбирает масштаб исторического опыта», вносит генерализирующие суждения и поправки на нюансы, свойственные неумолимому току цивилизационного процесса истории. Социально-исторический процесс представляет последовательную смену (череду) состояний, включая (прецеденты династизации власти в социалистической НДР Кореи, Республике Азербайджан, политические автаркии третьего мира), не вписывающиеся в цивилизационный поток и реальность текущей жизни в других формах. Философское осмысление атмосферы «дыхания живущих» в аспекте реальности связано с безвозвратными лишениями, утратами, конфликтами. Разрушаются природные основы бытия, нарастает конфликтность: перенаселенных – перенаселенных стран; освоенных – неосвоенных территорий; ресурсно обеспеченных – необеспеченных регионов; технологически развитых – неразвитых государств; коммуникационно консолидированных – не консолидированных анклавов [4, с. 56]. Человечество входит в «дефицитную зону всемирной организации», что в предельно философском представлении связано с обострением «классических противоречий пространства – времени, природы – культуры, географии – истории». Сверхценности дефицитного жизнестроя, по оценке В. В. Ильина, составляют, комфортные для проживания участки поверхности Земли, «не переработанная вовсе историей география». Борьба вокруг нее становится стержневым моментом переформатирования планетарной ситуации (блокообразования, отношений соперничества, союзничества). Относительно разреженные, некультивированные жизненные пространства, по мнению автора, становятся потенциально горячими точками мира [4, с. 57].

Метафизические модели политических проектов зависят от политической текстуры (лат. ткань, строение, материал). В монографии представлены сценограммы геостратегической режиссуры. Общеизвестные геополитические дихотомии (теллуократия – талассократия; хартленд – римленд) автор дополняет дихотомией бедленд (badland), – гудленд (goodland). Эта лексическая пара передает отношения двух множеств (бедленд – гудленд) в соответствии с проецированием контрастных видеоопределений, в оттенках богатой палитры неоднородности социальной реальности. Данная сцепка не географическая, а историко-географическая. Она фиксирует в первой части дихотомии – цивилизационную разноупорядочность: (аномию, образовательную, технологическую отсталость, ценностную

замкнутость), а во второй части – ее противоположность (продвинутость, технологичность, ценностную открытость, толерантность).

Схема рассуждений автора базируется на анализе топологического многообразия замкнутых множеств, флуктуаций переходных состояний, квантования, дискретизации пространственного единства. Бедленд описывает негативный цивилизационизм, неодаренный «божественными» добродетелями в условиях дикого развития. Он проявляется в формах бегства от культурной истории, востребующей «не поступка, но бунта с печатью отверженности». Это, по В. В. Ильину, реванш колоний над метрополиями; (накат аллохтонной волны, просачивание и укоренение этнических нелегалов, мигрантов, гастарбайтеров Юга в мегаполисы Севера и др.). Интенция бедленд, считает автор, состоит в том, чтобы разрушить, проглотить, перераспределить созданные гутленд богатства посредством изощенного арсенала средств: цивилизационной ренты, криминального захвата, террористических актов, анархистских движений, детрадиционализации конфессий (Аум Сенрике), вооруженных атак (ИГИЛ, Хезболла и т.д.). В арсенале бедленд множество технологий социальной дисгармонизации, разбалансировки сложенного ритма «вершения» истории. На арену выходит вирулентная контрпродуктивная контркультурная неигровая стихия, влекомая жизненноопасными фикциями [4, с. 58–59].

По точкам давления на контур гутленд просматриваются типологические репрезентативные осложнения. Это «посев из зева бедленд», захребетники, авантюристы, анархисты и другие носители достоинств стрикулистов «на их бесшабашном пути», такой *контрфорс* встречает гутленд. Аллохтоны (пришельцы), этнические нелегалы, маргиналы – грозная отчаянная, *неуступчивая сила, которая, как считает автор, требует немедленной купирующей реакции*. Концепция «плавильного котла» в условиях современной ситуации не действенна. В наше интригующее время причудливого переплетения здравого смысла и идеологии, рациональности и мифа – пытливая ищущая мысль черпает вдохновение в собственной самостоятельности – способности выполнять возможные сценарии перспективного развития в условиях основополагающих структурообразующих тенденций.

В качестве модели философского футурологического, геостратегического исследования, дающего правдоподобное описание динамики социально-политического мира в языке –символики автор включает элементы *гносеологического плана*:

- интеллектуальное движение в посессиве: *оценок событий в кондициалисе, conditionis* – от лат. условие, как требование *становления* (норм, стандартов, качеств); а также – метода *комбинирования* корреляционными зависимостями, могущими не иметь строго выраженного функционального статуса;
- *экстрополирование* – обзор связей за пределами их области определения;
- *отыскание экстремумов функционалов* (переменных полифункциональных величин).

Угрозы, нависшие над гудленд, требуют глобальных стратегических сценариев развития будущего, включающих:

1. Отказ от модели стабильного экономического роста – (ЭР), а также модели устойчивого развития – (УР), как моделей наращивания *неограниченного благополучия* [4, с. 60]. Фактором отказа от воплощения этих утопий становятся реальность COVID-19 и ряд других глобальных проблем от экуменизма до всплеска национализма.

2. Переход на «рельсы» культивации креативной реальности автор считает реальным на пути создания гибридной *полионтичной* среды обитания [4, с. 60], ориентированной на стратегию объединения материального морфогенеза в динамическом квинтете **NBICS** (Nano-, Bio-, Info-, Cogno-, Socio-продуктивных технологий) [5].

В. В. Ильин видит свойственную для современной трансформации философии нацеленность на комплекс продуктивных потенций, выраженных совокупностью знаний и представлений: нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных и социальных технологий. Фундамент ожидаемого цивилизационного рывка образуют:

- «зеленая революция» («экологизм»);
- возобновляемые источники энергии, космическая энергетика (от обновляемой планетарной – к звездной, межзвездной, галактической, вселенской базе);
- самосборка – неведомый прошлому тип предметного морфогенеза с отказом от вертикальной (иерархической) и применением горизонтальной (распределяемой сетевой) организации;
- интеграция – консолидация потоков материальных, духовных богатств за счет разукрупнения транс- и супернациональных единств (ЕС, НАФТА, ОПЕК и т.д.);
- интеллектуализация обмена деятельностью (упразднение неквалифицированного, живого труда);
- расширение гражданского общества как резервуара потенциальной самоорганизации [4, с. 60–61].

Автор представляет описание значений релевантных политических величин (вне количественной оценки степени вероятности качественной оценки этической состоятельности):

- a) Альянс гудленд contra бедленд с эскалацией диссонансов, диспаритетов миропорядка;
- b) Альянс гудленд contra бедленд с применением резервации (техники применения буферных зон);
- c) Альянс властных элит contra собственных «маргиналов» – аллохтонов;
- d) Всечеловечность (всеединство) в версиях политических социальных утопий [4, с. 62–63].

Метафизические модели политических проектов зависят от политической **текстуры** (лат. ткань, строение, материал). Калькуляция комбинаций в версии В. В. Ильина выражена геостратегическими сценографиями в макетах: паневропеизма, атлантизма, пантюркизма, «российской империи», «Поднебесной» [4, с. 63–78]. Преодоление затруднений в реализации проектов будущего автор связывает с непреходящей ролью «в ответственном родовом самопрогрессировании» – гудленд, которому принадлежит открытие вселенского масштаба: восходящие антропные преобразования, связанные с упрочением потенциала техногенной цивилизации. Однако на этом пути обозначились пределы роста и тупики – оскуднение естественной природы и искусственной среды обитания, дефицит духовности и нехватка запасов сырья.

Пытливая мысль напрягает воображение, изобретает санирующие маневры с прицелом развернуть «панораму правомерного грядущего». Автор обозначает те варианты перспективного программирования, которые наиболее реальны:

1. Универсализация гудленд как прямая экстраполяция его достижений с фронтальной проекцией на мировую популяцию невозможна ввиду ущербности всеиндустриального постава техногенезиса. Современную трансформацию философии автор связывает со становлением *креатологии как апологии технонаучного инструментального разума* [4, с. 21].

2. Универсализация гудленд как антигудленд требует стратегии преодоления status quo пипс выстраиванием его антипода. В таком контексте возникают проекты демонтажа гудленд в аппарате «отрицание отрицания». Эта задача базируется на создании технологической платформы 4Д (деэтизации, деурбанизации, деиндустриализации, деюризации). Вариант этих изменений зеркально отражает реалии как оборачивание их иллюзиями. К сожалению, этот

прием становится инструментом производства «фикций» в арсенале гносеологического дополнения реальности сознанием перспективы ее переустройства.

Выводы автора представлены комбинацией «будирующих идеалов» возможного социального нового, перепрофилирующих гудленд в плане жизнеустроительных канонов, составляет понимание того, что человечество живет так, как жить нельзя:

- *жизнь движется принуждением, требуется – побуждением;*
- *жизнь движется природоиспользованием, требуется – природосохранением, природо-поддержанием, природоулучшением;*
- *жизнь движется трудом, требуется – творчеством;*
- *жизнь движется государственностью – требуется коммунальностью;*
- *жизнь движется частичностью, требуется – целостностью;*
- *жизнь движется правом, требуется – правдой* [4, с. 79].

Ненасильственное миросбережение! Только оно, по мысли автора, отменяет вселенски ущербный способ существования, как способ междуусобной войны, внутривидовой бойни, истребления. Метафизика, как религия мыслителей, держится на двух китах: вере (как предприятию спасительному) и прозорливости (как предприятию промыслительному). «Профессиональная метафизика – философия – генерирует утопии, непреходящая ценность которых – духовное «уготовление», обрисовка возможных состояний сущего. Слово философии выполняет дело – «метафизически спасая человека, мир, человека в мире, философия практически предотвращает то, чтобы власть спасала только себя» [4, с. 80].

Философия и теология. Ильин подчеркивает свойственную религии специфичность, видоотличительность теологического символического представления реалий. Религия в отличие от философии сконцентрирована на одном аспекте опыта: божественном влиянии силы, определяющей порядок человеко-мира, миро-человека. В качестве знаковых примет мироотношения референтной проблематики богопознания и эсхатологии в монографии рассмотрены стереотипические и архитипические мотивы: мотив супранатурального (сакральное, сверхъестественное, потустороннее); мотив неисповедимости. Никому не представил Господь изъяснять дела его; мотив квиетизма.

Господь не подает надежд на земную любовь, мир земной, он пребывает в недостижимой выси. Но Свет его учения – вот путеводная нить, которая содержит мотивы: всеобщей доброты, всепрощения и спасения, его веры в человека и род человеческий, пример самопожертвования, благовествование, его негибимый несокрушимый подвиг, силы духа и принципиальность религиозности в фазисе самореализации. В ряду приведенных мотивов автор отмечает мотив временного обращения, мотив борьбы Спасителя с враждебными людям силами во имя и во благо человека, мотив эсхатологии, хилиазма, апокалиптическую идею конца мира и вхождения в рай после второго пришествия, мотив фидеизма, веру в супранатуральное и бесконечно превосходящее в человеке – мотив креативизма. Господь определяет и другие мотивы: покаяния, спасения, чудотворности, воздаяния, примата духовного, также эскапизма, догматизма, воинственности (проскрипции), миссионерства, культа, а также мотивы поклонения, смирения, духовного нищенства, человеческой несамодостаточности.

Таким образом, обзор референтной проблематики, связанной с мотивацией в аспекте самоконтроля в поступках верующих людей, задается требованиями, «всевидающего ока господа Бога», что исключительно важно для истории, цивилизации и культуры. Вера, надежда, любовь – модусы оцерквленного бытия – предопределяющие выбор. Гносеологически вера –

форма чувственного удостоверения истины (Юм). Социологически вера есть способ группового контроля диспозиций. Но в целом, по В. В. Ильину, жизнь – цепь звеньев преодоления прошлого. Настоящее – момент творчества. Будущее – стимуляция осуществления. Человек – собственный проект и собственная метафора. Проект – потому, что имеет место символическая активизация деятельности. Метафора – потому что подлинно символическое (проектирование) в реальной деятельности не воплощается [4, с. 80–85].

Сама по себе вера, по мнению автора, не может быть перспективным инструментом решения смысложизненных человеческих проблем. Чудо дает веру, вера крепит явление чуда. Но в наш прагматический, меркантильный наступательный век обращение к массовому человеку с откровенно фидеистическими идеями, квиетистскими, пропиеципальными темами как минимум неадекватно. Идею воскресения автор характеризует как идею циклического возрождения и обозначает ее как идею утопичную. «Земной путь мессии мал и трагичен, но несет искупление и спасение в гуманистическом, морально-этическом смысле. Наподобие богочеловеческого путь человеческий – духовный – озарен светом евангельского любвеобилия...» [4, с. 88]. Эта идея введена в вечность и представлена творениями культуры.

Философия и искусство. Искусство и философия, считает автор, решают схожие, но инструментально разнокалиберные задачи [4, с. 91]. Искусство есть самосознание от имени разума, которое схватывает «эпоху в символе» [6, 13]. В искусстве как символической сфере первостепенны обозначения, предзнаменования, значительность (смысловая избыточность). Символическое, в отличие от утилитарного, активирующего рассудочно-аналитическую сторону, предписывающую руководствоваться не «причинностью», а «превосходительностью», как знаком более значительных явлений. [4, с. 90]. Художественное отображает самодостаточность, полноту жизненного, не требуя логических оправданий; способ освоения предметной базы (движения в материале) – *эстемность*. В ней любовь самоценная, не требует мыслительных оправданий. *Нозмность* апеллирует к самодостаточности, полноте жизненного и проводит оправдание представляющих его идеалов. Она выражает (модель идеальных состояний), предстает философским способом овладения предметной базой, движением в материале.

Художник как философ – человек, несущий наибольшую ответственность за тотальную человеческую эволюцию. Человек, попадающий в круг избранных, отмеченных «искрой божьей», способных быть центром, душой, обостренным самосознанием. Времени. Народа. Человечества [4, с. 89]. Мотив божественного масштаба долга представительства в мирском божественного, высшей благодетельной участи вершителя дел мирских от искусства является знаковым лейтмотивом самосознания обсуждаемой практически-духовной формой символического. Оперативное исполнение миропредставления искусство предлагает в различные эпохи лихолетья, в условиях застоя философской деятельности (выразителями судьбы человека и человечества выступали писатели, поэты, прозаики разных времен).

Искусство «упивается изобразительностью», в литературе, где «божественный глагол – слово». Дело искусства – изображать, озарять. Дело науки – прагматика – ее задача отображать, преобразовывать. Дело философии, выражая преобразовать. В философии, в (теории) – слово-мысль.

Архитектура философствования трактуется В. В. Ильиным в качестве специализированной деятельности, включающей сумму специфических приемов, способов и актов по созданию планируемых результатов. Этот процесс осуществляется по «достаточно отработанным в автономном сообществе канонам творческих инициатив, аккумулируемых (нормативной)

поэтикой» [4, с. 93]. Пример исследований такого плана представлен в работах М. М. Бахтина, который писал об использовании конкретной *архитектоники художественного произведения* для иллюстрирования миропонимания и миропребывания как об архитектурной функции ценностного центра человека в художественном целом [1, с. 131–141].

Философское идейное направленчество средневзвешанных конструкций организуется канонами соответствия [10, с. 46, 127]. *Формальное* соответствие характеризует установку на структурные признаки – как ориентир на определение главных и второстепенных элементов системы из совокупности формально-содержательного соответствия. *Содержательное* – соответствует установке на учреждение системы правил реализации соотношений в фиксации действительности (признаковый момент *фабулы*) [4, с. 93].

Композиционный строй. Автор характеризует специфику жанра как философствование в текстовом исполнении, в многообразии содержательных и формально обособленных единиц творчества [4, с. 94]. Техническая оценка «архитектонического задания» (по Бахтину) позволяет группировать продукты философской деятельности в родовые и видовые скопления ищущей мысли (подобно квалифицированию мыследеятельности в художественной литературе: объект – эпос; субъект – лирика; их синтез – драма) [4, с. 94].

В монографии отмечается, что жанр, по оценке литературоведов, в ряду формообразующих доминант играет определяющую роль, он предстает среди них в качестве деривата. Ильин характеризует различные формы жанровых текстов в истории философии различных эпох. Каноническое (главенствующее положение) среди них занимает высокий *жанр трактата*, укрепившийся в эпоху Нового времени, утвердивший в философии важность выводов, а не поисков.

Социально-критический жанр философского творчества воплощается в «гносеологическом откровении» нравственной гражданской проповеди с господствующей формой «спекулятивной системы моральных поведенческих абсолютов». Вершина спекулятивной категориально-логической археологии действительности – философия Гегеля. Отход и отказ от спекулятивности выразились в смене ориентации творческого процесса. Абстрактно-логическое категориальное конструирование действительности вытеснилось положительной аналитикой реалей. Радикальная субституция метода спекулятивных абсолютов (Фейербах, Кьеркегор, Маркс) позволила обнаружить за личиной «принципиальных» сущностей чувственную жизненную, предметно-практическую вполне мирскую основу существования. Философия трансформируется в заземленное интеллектуальное раздумье – искание. После немецкой философской классики жанровое единство философии как совокупность устойчивых выразительных линий подвергается эрозии. Преобладающая форма трактата теснится свободной миниатюрой, эссе, фрагментом, не чурающихся романтических бросков, предметно очерченных чувств.

В ситуации дисгармонии, периодов интенсивных гражданских перемен, краха устойчивого, надежного, очевидного, в условиях принадлежности «к бытию в пропасти», «бытию-для-смерти», когда мир становится многолюднее, а личность более одинокой. Стилистически и фабуально философия мельчает. Жанровое мышление в ней вытесняется авторским. Течения, направления, школы, учения в философии возникают и исчезают с большой интенсивностью. Вместе с тем, подчеркивает В. В. Ильин, наблюдается отчетливое давление экстрафилософских (религия, идеология, язык техники и технологий и др.) факторов. Легализуется ассоциативность, падают ограничения классической лексики, утрачивается интенция на категориальное

мышление, рушатся основы стиля. Но при этом не происходит никакого сращения философии с публицистикой. «В философии, как в боговдохновенной поэзии, по целям силы напрягают, а не по силам цели выбирают» (Мицкевич). Тем не менее свобода в вершении философии не безгранична. По содержанию и форме философия может быть любой. Но до известных пределов [4, с. 99].

Композиция философского произведения – канон составления, организация текста, внутренняя телеология на базе планомерного взаимоотношения сочетания элементов в систему, придающую: а) стройность, гармоничность, пропорциональность фиксации идей; б) когерентность материализации мыслей; в) оптимальность смысловой экспозиции [4, с. 101].

Стиль в философии – стержень понимания, толкования жизненных значений в более или менее отработанной (принятой научным сообществом) словесной оболочке; стиль, следовательно, – смысл в слове, семантика в синтаксической оправе «вообще», но создатель-генератор одного и другого в личине Автора. Стиль – это признак автора. Это «манера исполнения творческого продукта, устойчивая система способов самовыражения, заявления авторства, детерминированная сочетанием универсальных (принятых в автономном сообществе) и уникальных (обусловленных фоном личности) параметров действия, выделения предметов труда» [4, с. 104].

Язык. Профессиональный язык в качестве специализированной системы знания складывается с осевого времени по сегодня, непременно обогащаясь заимствованиями из разговорного, литературного (нормированного), отраслевого (наука, искусство, политика, право и т.д.), знакового выразительно-образительного фонда. Помимо коммуникативной, он обладает концептуальной, эстетической, прагматической, социальной, фасцинативной функциями, а также персонализирующей функцией, указывающей на субъективизирующие индивидуально-стилевые контексты философствования [4, с. 106].

Сюжетный строй. Включает рассмотрение «плана содержания» и «плана выражения»; мироведения; фабулы; сюжета; темы; проблемы; системы.

Мироведение. Урегулированная версификация действительности воплощается в создаваемой философом серии концептуальных образов, интегрируемых в символическую систему целостного универсума, отмеченного печатью авторства. Мир философа суть объемная сценография реальности, выполняемая участием изоощренного образительно-выразительного (технического) инструментария, позволяющего различать творческие платформы (темперамент, симпатии, гражданское кредо, методологические, гносеологические аксиологические ориентации и т.д.) профессионалов [4, с. 109].

Автор подчеркивает, что литературу и философию разлучают приемы организации уникально и универсально, конкретно и абстрактно, эстетно и ноэмно, художественно и умозрительно прочувствованного, одействованного космоса. Правило философии – тематизация обязательств духа перед жизнью, действительностью [4, с. 110].

Фабула – правило сцепки тематических элементов рассуждения с акцентом детерминистических зависимостей. В литературе тематические элементы могут сцепляться по темпоральным признакам (хроника), через коллизии, определяются ситуациями, взаимодействиями в процессе разрешения конфликтов. В философии фабула определяется через эссенциальное взаимодействие концептуальных платформ, борьбу, сшибку идейных линий, выражается мощью заявления идейно выстраданной «правды мира» [4, с. 112].

Проблема – требующее разрешения в исследовании интеллектуальное затруднение, озадачение, снятие которого – действенный рычаг научного прогресса. Проблемность и темность, проблематизм и тематизм пребывают в отношении параллелизма – неперенного сопутствования, неизменного сопровождения. Есть тематизм – есть критико-аналитические конструированные доминанты. Основание сцепки одного с другим – профессиональное умение, сила мастерства создавать совершенные творения, отобразительно (фабула, сюжет, тема) – (авторство, проблемность) шедевры [4, с. 124].

Живой процесс философствования В. В. Ильин рассматривает через призму поливариантивности в планах: архитектурно – она динамична; онтологически – релятивна; экзистенциально – спасительна; методически – альтернативна; эвристически – полифундаментальна; методологически – плюральна. Генеральная черта философии – открытость (неоконченность, незавершенность) [4, с. 143].

Творческие общности в философии. Автор вводит различия профессиональной деятельности философствования по признакам *экстенсивного основания*: синхронные и диахронные (региональные, ареальные, эпохальные ассоциации, зональные скопления). По *интенсивному основанию* автор выделяет и характеризует формы – композиционные (характер организации материала – диалог, разговор, басня, эссе, трактат); а также и архитектурные (характер организации материала – тематизация материала): номинализм – реализм; сенсуализм – рационализм; материализм – идеализм; гностицизм – агностицизм), формы освоения предметности, приемы поискового действия [4, с. 151].

Автор выделяет в системе творческих общностей в философии: *направления, течения и группировки*. Для *направлений* присущи магистральные признаки преемственности: модус философствования, методологическое и эвристическое сходство исполнения профессии. Взаимодействие философских направлений, их сотрудничество и соперничество, по мнению автора, образуют стержень «положительного философского процесса». Главный показатель, характеризующий направления, принципиальная позиция по способу налаживания, «регулирования и настройки опыта философствования» [4, с. 152]. Если цель искусства – выражение доведенной до *типа* сущности, изображаемых предметов. Цель философии, по В. В. Ильину – доведение до *архетипа* посессивной сущности изображаемых предметов. (Триада в этом единстве характеризует «архетипичность» (по Гегелю) «подъем ко всеобщему»; «посессивность» – движение в интеллектуально знаковой возможности; «эссенциальность» – возрастание к «сущности».) В этом плане философия выполняет ответственную роль в альтернативных «мироопределяющих сценографиях». К примеру: контрдикции в дихотомизации сущего: «жизнь» – «смерть»; «прощай, оружие» (Хэмингуэй); «война – единственная гигиена мира» (Маринетти).

Интеллектуальные мегатренды предопределены самим способом отправления философской доктринации через фиксацию базовых состояний бытия. Переход от абстрактного исследования в режиме посессивности к реальности связан с задействованием проекционных верификационных ресурсов и возникновением определенной картины мира: жизнеутверждающей (гуманизм, прогрессизм, коллективизм) или жизнеотрицающей (индивидуализм, анархизм, катастрофизм, аморализм) [2, с. 152]. Автор приводит примеры подпитки воспроизводства «сопредельными формами духовного и практически-духовного» духом: «тотального эффекивизма», захватившим космизм; платформу «перекрытия реальности» в борьбе со смертью, социально-политический проект – экспериментальная культивация нового человека (*homo soveticus*) и др.

Аналогично сформированы тематизации «начало мира» (античность – программа археосоветременная космогония) – «конец мира» (апокалиптика, финализация существования) и версификации познаваемости (рационализм, сциентизм); (интуитивизм, антисциентизм) и др.

Течение, в модификации которого, в пролиферации миропредставительных идей выражены платформа материализма: (стихийного, метафизического, пантеистического, органистического, механистического, вульгарного, стыдливого, антропологического, диалектического, исторического); а также идеализма (субъективного, объективного, магического). Особый статус принадлежит трансцендентальному, феноменологическому идеализму и интуитивизму, как «причастных к Третьему миру ментально-виртуальных объектов, концептуализация природы которых еще ожидает складывания адекватных языковых и модельных средств представления. Методологии их оформления: монизм – плюрализм с неизбежными ветвлениями – физикализм, логизм, психологизм, параллелизм» [2, с. 155].

Автор подчеркивает определенное соответствие мысли Гегеля тому, что развитие философии в истории удовлетворяет развитию логической философии, но в последней обнаруживаются места, выпадающие «в развитии истории». Таковыми оказываются «дивергентные платформы-понимания натурализм – спиритуализм, эссенциализм – феноменологизм и др., «подгоняющие собственные сольные партии под оркестровые исполнения». ...В гносеологии (репрезентативной формой которой не располагает материализм) и для идеализма также составляет камень преткновения задача расчлнить познаваемый предмет на «предмет» и «познание». Теоретико-познавательная сверхзадача при этом упирается в необходимость разработки «специфической логико-методологической и концептуальной техники с реляционной многоуровневой семантикой, адаптированной к экспозиции ситуации в возможных мирах» [2, с. 156–157].

Таким образом, представленная В. В. Ильиным тематизация «радикализует грани и оттенки, «разрушающие серьезность квалификаций „материализм – идеализм“ как тормозящих интенсивное сосредоточение мысли, мобилизацию исследовательских устремлений на непредвзятый интенсивный поиск» [2, с. 158].

Группировки, по определению автора, это малочисленные объединения единомышленников, сподвижников, как сообщества, выступающие частным подразделением философского процесса. Оформляются они как содружества ученых на базе организационной кооперации коллег, идейности, общности взглядов, сотрудничества в решении профессиональных задач. Группировки – это подвижные сообщества, которые не имеют строгих рангов, они складываются спорадически, факультативно, оттеняют реальный плюрализм философствования. Эти сообщества включают ассоциации, учения, платформы, школы, кружки, цеха, студии, формирующиеся по тем или иным признакам: географическому (региональному); хронотипическому; персональному; предметному; стилевому; поисковому, интенциональному и т.д.

В качестве центральной фигуры философствования как процесса «мыслящего рассмотрения предметов» (по Гегелю) В. В. Ильин называет и характеризует фигуру *философа*. Философы не ставят экспериментов, они заменяют их концептуальным моделированием, в котором движение осуществляется не в вещах, а в идеях. Философские тезисы не допускают непосредственного опытного контроля. Они удостоверяются опосредованно: путем выявления степени эффективности, усилий деятелей науки, политики, искусства, опирающиеся на те или иные философские установки [2, с. 16]. Философию В. В. Ильин называет «мощным индуктором духоподъемности». Ибо философ обращается к людям с некоей «правдой жизни»: как

жить, для чего жить. Поэтому в философии значителен заряд подвижничества и проповедничества. Чтобы стать философом, надо искать истину, но, чтобы быть им, надо жить в соответствии с истиной [2, с. 17–18].

Таким образом, поэтика философии представлена в качестве дисциплины «сугубо философской» и даже «метафилософской». Сфера ее специфической предметности определяется инструментально-символическим характером обработки «ресурсов эстемы и ноэмы». Литература упивается эстемой, «словесной изящностью», красотой слова, где «логос» предстает в качестве «изречения». Для философии «логос» выражает ориентир, предметный «азимут» которого – «идея». Поэтика философии специфична в своих интенциях: в «деонтологическом устремлении» она нормативна, но не столько в плане «консервации идеалов», а в побудительном отношении, в аспекте их конструктивности и культивации. Философия – мощный индуктор духоподъемности. Она апеллирует к силе правды, обращается к людям с обоснованием смысла, как некоей «правдой жизни», связанной с подвижничеством и проповедничеством.

В целом рецензируемая монография – глубокое творческое исследование, реализованное в широком гуманитарном аспекте. Ее автор, В. В. Ильин, как философ – многогранен. Он – мыслитель и организатор, классификатор и аналитик, критик, идеолог и систематик. Знакомство с текстом монографии не обещает быть легким, оно требует вдумчивого прочтения. Но эта работа будет полезно всем, кто профессионально занят проблемами развития философии, науки и культуры.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210580).

Литература

1. Бахтин М. М. *Литературно-критические статьи*. М.: Художественная литература, **1986**. 543 с.
2. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, **1986**. 445 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, **1990**. 808 с.
4. Ильин В. В. *Метафилософия. Поэтика философии: монография*. М.: Проспект, **2021**. 160 с.
5. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный мировейник: монография*. М.: Проспект, **2020**. 160 с.
6. Ильин В. В. *Теория познания. Симвология. Теория символических форм*. М.: изд-во МГУ, **2013**. 384 с.
7. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Академический проект, **2014**. 204 с.
8. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis: монография*. М.: Проспект, **2016**. 272 с.
9. Ильин В. В. *Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания: монография*. М.: Проспект, **2017**. 184 с.
10. Ильин В. В. *Теория познания. Эвристика. Креатология: монография*. М.: Проспект, **2018**. 176 с.
11. Ильин В. В., Кевбрин Б. Ф., Писачкин В. А. *Макросоциология: учебник*. Саранск: Красный Октябрь, **2004**. 256 с.
12. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. Studia humaniora. Гуманитаристика: учебник*. М.: Проспект, **2019**. 256 с.
13. Ильин В. В. *Аксиология*. М.: изд-во МГУ, **2020**. 192 с.
14. Каримова З. З. К вопросу о социологической интерпретации М. М. Бахтина // *Диалог. Карнавал. Хроно-топ*. **1999**. №4(29). С. 11–48.

Поступила в редакцию 01.06.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.3.6

Review of the book “Metaphilosophy. Poetics of philosophy: a monograph” by V. V. Ilyin. Ilyin V. V. Metaphilosophy. Poetics of philosophy: a monograph. – Moscow: Prospekt, 2021. 160 p. ISBN 978-5-392-34141-2

© V. A. Pisachkin

*Ogarev Mordovia State University
68 Bolshevistskaya Street, 430005 Saransk, Republic of Mordovia, Russia.*

Email: pisachkin@yandex.ru

In the monograph, two main problems are considered. The first one is a liberation of a living, soul-searching philosophy from the heavy legacy of the past (from the burden of vulgar sociologism, vicious ideologization, indocrination of spiritual creativity) on the way to the open space, inspired only by the professional concern of search. The second one is the author's search for clarifying the principles of philosophizing as a historical contextual and supra-contextual productive activity, in which the critique of philosophical reason appears in the qualities of metaphilosophy, the theory of the philosophical process and the poetics of philosophy. They clearly express the “intimate flow of philosophizing”. The poetics of philosophy is presented as a “purely philosophical” and even a “metaphilosophical” discipline. The scope of its specific objectivity is determined by the instrumental and symbolic nature of the processing of “the estema and noema resources”. Literature revels in the “estema”, the “verbal elegance”, the beauty of the word, where the “logos” appears to be a “saying”. For philosophy, the “logos” expresses a reference point, the objective “azimuth” of which is the “idea”. The poetics of philosophy is specific in its intentions: it is normative in the “deontological aspiration”, but not so much in terms of the “preservation of the ideals”, as in terms of motivation, in the aspect of their constructiveness and cultivation. Philosophy is a powerful inducer of raising the spirits: it appeals to the power of the truth and addresses itself to people with the justification of the meaning as some “facts of life” associated with asceticism and preaching.

Keywords: poetics, metaphilosophy, estema, noema, episteme, badland, goodland, political texture, architecture of philosophizing.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210580).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Pisachkin V. A. Review of the book “Metaphilosophy. Poetics of philosophy: a monograph” by V. V. Ilyin. Ilyin V. V. Metaphilosophy. Poetics of philosophy: a monograph. – Moscow: Prospekt, 2021. 160 p. ISBN 978-5-392-34141-2 // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 207–222.

References

1. Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i [Literary critical articles]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow: Iskusstvo, 1986.
3. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress, 1990.
4. Il'in V. V. *Metafilosofiya. Poetika filosofii: monografiya [Metaphilosophy. Poetics of philosophy: a monograph]*. Moscow: Prospekt, 2021.

5. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa Miracula: total'nyi muraveinik: monografiya* [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa Miracula: total anthill: monograph]. Moscow: Prospekt, **2020**.
6. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of knowledge. Symbology. The theory of symbolic forms]. Moscow: izd-vo MGU, **2013**.
7. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya* [Theory of knowledge. Social epistemology. Sociology of knowledge]. Moscow: Akademicheskii proekt, **2014**.
8. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolyutov. V poiskakh causa finalis: monografiya* [Theory of knowledge. Philosophy as a justification for absolutes. In search of causa finalis: monograph]. Moscow: Prospekt, **2016**.
9. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya: monografiya* [Theory of knowledge. Hermeneutic methodology. The architecture of understanding: monograph]. Moscow: Prospekt, **2017**.
10. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya: monografiya* [Theory of knowledge. Heuristic. Creatology: monograph]. Moscow: Prospekt, **2018**.
11. Il'in V. V., Kevbrin B. F., Pisachkin V. A. *Makrosotsiologiya: uchebnik* [Macrosociology: textbook]. Saransk: Krasnyi Oktyabr', **2004**.
12. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia humaniora. Gumanitaristika: uchebnik* [Philosophy of humanitarian knowledge. Studia humaniora. Humanities: textbook]. Moscow: Prospekt, **2019**.
13. Il'in V. V. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow: izd-vo MGU, **2020**.
14. Karimova Z. Z. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. **1999**. No. 4(29). Pp. 11–48.

Received 01.06.2021.